
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.С. Готлиб
(Самара)

АВТОЭТНОГРАФИЯ (РАЗГОВОР С САМОЙ СОБОЙ В ДВУХ РЕГИСТРАХ)

В статье рассматриваются познавательные возможности автоэтнографии как определенной исследовательской стратегии качественного исследования, анализируются направления автоэтнографических исследований, проблемы их качества.

Ключевые слова: автоэтнография, рефлексия, воображаемые Другие, интеракция, решетка объяснений, рассказчик истории, эмоциональная поддержка, побуждающий нарратив, авторский мир, терапевтический эффект.

Этнографический вид качественного социологического исследования сегодня начинает все больше теоретически осмысливаться [1] и эмпирически осваиваться [2] в российской социологии. Вместе с тем в западной социологии в последние годы активно обсуждаются познавательные возможности *новой* исследовательской практики, выступающей своеобразным подвидом этнографической стратегии – *автоэтнографии*. Каковы же основные черты качественного исследования этого вида?

Как «дитя» этнографии автоэтнография наследует все ее «родительские» черты, лишь «перекраивая» некоторые из них и со-

---

Анна Семеновна Готлиб – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и социологии Самарского государственного университета.

здавая тем самым свою «особость», непохожесть. В частности, в автоэтнографии (по крайней мере в значительной части автоэтнографических исследований) остается неизменной ориентация на познание *культур* самых разнообразных общностей (типических смыслов, ожиданий, норм) через *изучение единичного*, конкретных повседневных практик. Вместе с тем единичным здесь выступает *сам исследователь*, его опыт, чувства, мысли, повседневная жизнь в целом. Автоэтнография в этом плане – это всегда сопряжение личности исследователя и культуры, к которой он принадлежит, всегда соотнесение индивидуального опыта с социальным контекстом, попытка заглянуть внутрь себя, чтобы сделать обобщения. Социолог здесь «внимательно вглядывается в себя через широкие этнографические линзы, чтобы сосредоточиться в конечном итоге на социальных и культурных аспектах личностного опыта» [3, с. 738].

Остается в автоэтнографии и стремление к более *подробной, детальной, всесторонней* репрезентации реальности, только здесь *тщательно и скрупулезно* изучается *собственный мир исследователя*, момент за моментом конкретизируются *детали его* жизни. Для этого есть два пути. *Первый* – вести полевые заметки, касающиеся собственной жизни. Это могут быть ретроспективные записи, относящиеся к *прошлому*, когда текст организовывается хронологически вокруг главных жизненных событий. Здесь автор из своей *сегодняшней ситуации (текущей перспективы)* оценивает прошедшее, пережитое. Вот как об этом пишет один из исследователей автоэтнографии американский социолог А. Борчнер: «Я пытаюсь писать ежедневно, перечитывая то, что я написал днем раньше, потом переживая новые воспоминания» [4, с. 752]. Возможен и *другой вариант*: исследователь *рассказывает* свою историю жизни, как будто берет нарративное интервью у самого себя. В любом случае нюансы, детали прошлого «всплывают», если исследователь способен совершить так называемый *эмоциональный вызов*, т.е. эмоционально перенести, «включить» себя в

то время и в то место, о котором рассказывает. Главная проблема здесь – как «выйти» из этого состояния, чтобы *проанализировать* написанный текст или транскрипт интервью и тем самым вписать свой эмоциональный опыт в культурные координаты (если, конечно, социолог ставит перед собой такую задачу).

Метод *включенного наблюдения*, характерный для этнографического исследования, когда социолог «включается» в изучаемую ситуацию в качестве ее участника, стремящегося понять *других* в естественных условиях, в автоэтнографии преобразуется в *само-наблюдение, самоанализ*. В отличие от традиционного включенного наблюдения исследователь погружается здесь в *свой собственный мир* естественных установок. Идея возвращения исследователя в изучаемый процесс, на которой в противовес количественной парадигме базируется качественный подход в социологическом исследовании¹, здесь достигла, кажется, своего предельного выражения: субъект и объект исследования физически сосуществуют в одном лице.

При этом исследователь как *объект исследования* интересен своим прежде всего дорефлексивным опытом, «жизненным миром», «конструктами первого порядка», в терминологии А. Шюца, с помощью которых он, *как и другие люди, совместно с другими людьми* конструирует окружающий мир как само собой разумеющийся, непроблематичный. Здесь все психические переживания как бы сплетены с вещами мира. В этой ситуации эмоциональный опыт «не видит» себя. Язык выражения такого опыта – повседневный, обыденный язык нормального человеческого общения.

Вместе с тем, в качестве *субъекта исследовательского процесса* социолог, изучающий самого себя в *социальном контексте*, если вообще стоит такая задача, «обречен» на положение *вне собствен-*

---

¹ Известно, что в рамках количественного подхода с его ставкой на получение объективного, достоверного, математически доказанного знания исследователь выключен как личность из процесса исследования.

ного эмоционального опыта, на рефлексивность, «говорящую» на языке исследовательского комментария, или мини-теории.

Как возможно такое соединение, кажется, несоединимого, как возможна саморефлексия, разговор с собой одновременно в двух регистрах?

Надо сказать, что феномен саморефлексии как особый процесс *проблематизации сознанием собственных установок, стереотипов* начал изучаться еще в античную эпоху, в тот ее период (VIII–II вв. до н.э.), когда традиционное, мифологическое сознание стало подвергаться критике. Именно тогда, по мнению К. Ясперса, «сознание осознавало сознание, мышление делало своим объектом мышление. В эту эпоху были разработаны категории мышления, которыми мы мыслим по сей день» [5, с. 33]. Основатель феноменологической философии Э. Гуссерль доказал, что эмоциональный опыт, психические переживания содержат *принципиальную возможность рефлексии*, понимаемую со времен Дж. Локка как «наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность и события ее проявления» [6, с. 155].

Вслед за Гуссерлем целый ряд крупнейших социально-философских течений еще добавили соображений в «копилку» доказательств этой возможности.

Во-первых, прагматизм, а вслед за ним и символический интеракционизм убедительно показали, что социальная жизнь – это непрерывно творимый продукт повседневных взаимодействий людей друг с другом, с необходимостью включающий в себя и *интеракцию с самим собой, производство самосознания*: все, что человек говорит другому, он говорит и самому себе. Более того, осознание самого себя потому и возможно, что в сознании каждого из нас присутствуют *воображаемые Другие*, глазами которых мы вглядываемся в себя, формируем критерии оценки собственной персоны.

Во-вторых, этнометодология, феноменологическая и драматургическая (И. Гофман) социологии убедили нас в том, что каждый человек строит свое взаимодействие, ориентируясь на *ожжи-*

дания Другого, реального или виртуального участника коммуникации, или Других, стараясь *быть понятным* ему или им. Применительно к предмету нашего разговора это означает, что именно эти *воображаемые Другие* (в нашем случае – это будущие читатели) в значительной степени определяют и то, *что рассказывается*, и то, *как рассказывается*. Так, стремясь быть понятным человеком «с улицы», погруженным в ту же самую социальную ситуацию, что и он сам, исследователь становится *рассказчиком собственной истории* на обыденном языке, интуитивно используя «решетки объяснений» (frames of explanations) [7, с. 124], распространенные в культуре той общности, к которой принадлежат и он, и будущий рядовой читатель. В то же время ориентация на ожидания и оценки *собратьев «по цеху»*, если такая цель вообще есть у исследователя, соответственно требуют рефлексии, а точнее саморефлексии, выраженной на языке теоретических понятий и использующей иные схемы объяснения.

Сегодня автоэтнографическая исследовательская практика существует под разными именами: личностный нарратив (personal narrative), нарратив личного опыта (personal experience narrative), самоистория (self story), этнографическая короткая история (ethnographic short story), персональная этнография (personal ethnography), самонаблюдение (auto-observation), жизненный опыт (lived experience), самоэтнография (self ethnography), побуждающий нарратив (evocative narrative), рефлексивная этнография (reflexive ethnography), исповедальный рассказ (confessional tale), антропологическая поэтика (anthropological poetics) и т.д. [8, с. 740].

Следует сказать, что за различиями в терминах этих исследовательских практик стоят не только лингвистические предпочтения авторов, но прежде всего их *разные методологические установки* относительно смысла и назначения качественного исследования, его языка и образа результата. Не случайно, К. Панч называет термин «качественное исследование» зонтичным, покрывающим достаточно разнообразный спектр стратегий исследования.

На наш взгляд, все многообразие автоэтнографий лежит в плоскости, определяемой, в большинстве своем, двумя континуумами:

– *цели исследования (функции)* с полюсами «простое описание» – «аналитическое описание»;

– *обобщения* с полюсами «индивидуальный опыт исследователя» – «культура».

Установка исследователя на *аналитическое описание*, на *рефлексию* предполагает вписывание его индивидуального опыта в культуру, социальный контекст, соответственно определяя и результат такого исследования в виде комментария или мини-теории. Здесь исследователь изучает себя, чтобы *изучить других*. Главная цель такого исследовательского процесса – *анализ, объяснение* изучаемого социального явления: через *субъективно значащий мир*, через смыслы, которыми исследователь как *рассказчик истории* наделяет те или иные события своей жизни, создается теория, объясняющая социальный феномен в терминах *внешних социальных структур*. Результат такого рода исследования – равновесный сплав двух позиций, сочетающихся здесь, правда, в одном лице: *рассказчика истории* и *аналитика собственной истории*, ее интерпретатора. Автоэтнографические исследования такого плана следует отнести, на наш взгляд, к *научному* или *тяготеющему к научности направлению* качественной социологии в предложенной нами классификации [9, с. 147], хотя это и не Нововременная форма научности. Главная направленность подобного рода исследований – *приращение знания* о малоизученных или вовсе неизученных социальных явлениях.

Популярна сегодня и принципиально другая направленность автоэтнографического исследования: так называемая *терапевтическая*. Установка социолога на *помощь читателю*, который, погружившись в похожий, сходный опыт переживания исследователем той или иной ситуации, получает своего рода *эмоциональную поддержку*, обуславливает и образ результата такого исследова-

ния. Итогом здесь выступает сама *история исследователя*, простое описание им пережитого, прочувствованного «куска жизни», т.е. простое описание его личностного, эмоционального опыта. Здесь исследователь изучает себя, чтобы *пригласить читателя в авторский мир*, вызвать у него те или иные чувства, помочь ему соотнести себя с другими, может быть, пересмотреть сложившиеся представления и ценности.

В отличие от научной или тяготеющей к научности автоэтнографии, где по словам К. Гиртца происходит «обобщение сквозь случай», здесь обобщение осуществляется «внутри случая» [10, с. 147]. История исследователя скорее продолжается читателем, чем анализируется, скорее рассказывается и пересказывается, чем теоретизируется, скорее происходит приглашение к разговору, продолжение темы, чем ее конец, завершение. Читатель здесь – *соавтор*, который в интерпретации «вписывает» историю исследователя в свой собственный эмоциональный опыт. Ярче всего «помогающий» характер такого направления автоэтнографии выражен в одном из названий этой исследовательской практики: *побуждающий нарратив* (evocative narrative). Речь идет о побуждении читателя к эмоциональному отклику, в конечном итоге оказывающем благотворное «терапевтическое» воздействие на него. Нарративы болезни, например, как одна из распространенных автоэтнографических практик, написанных, как правило, людьми победившими болезнь, направлены на ослабление стигматизации и маргинализации больных людей [11]. Их главное назначение – сопротивление идентичности жертв, беспомощных людей, столь характерной для больных. Такие нарративы – больше «о том, *как жить*, нежели о том, *как знать*», как точно выразился американский социолог М. Джексон [12]. Эта разновидность автоэтнографии относится, на наш взгляд, к *собственно гуманистическому направлению* качественной социологии в нашей классификации [9, с. 147].

«Побуждающая» автоэтнография фактически ломает границы, сложившиеся между литературой и социальным знанием, не

случайно, споры о том, литература это или социология, практически не стихают. Вместе с тем различия между этими формами знания, видимо, связаны с тем, что беллетристика прежде всего имеет дело с вымыслом, в то время как в автоэтнографии представлена подлинная, реальная история исследователя. Кроме того, литература добивается эмоционального отклика специальными средствами, искусными приемами: сюжетной линией, конструированием художественных образов, авторским стилем и т.д., в то время как автоэтнография тут, как правило, безыскусна.

Конечно, терапевтический эффект может присутствовать и в *автоэтнографии научной ориентации*: теоретический текст, описывающий или объясняющий тот или иной феномен, способен подтолкнуть рядового читателя к осмыслению или переосмыслению своего видения, вызвать определенные чувства, мысли (правда, если текст будет ему понятен). В то же время «помощь» читателю здесь второстепенна, скорее незапланированное следствие, чем сознательно поставленная цель.

Возможен сегодня и еще один, так называемый *постмодернистский* вариант автоэтнографии. В постмодернистских автоэтнографических текстах собственная история осмысливается исследователем на художественном, поэтическом языке с его образностью, ассоциативностью, метафоричностью, мгновенными откровениями инсайта: считается, что ни теоретические понятия, опирающиеся на формальный аппарат логики, ни обыденный язык повседневного общения не способны схватить ускользающее, хаотическое, бессмысленное, фрагментированное с точки зрения постмодернизма бытие. Здесь грань между литературой и социологией делается, видимо, еще тоньше.

Назначение таких текстов – не только эмоциональное включение читателя в исследовательский мир, побуждение его к эмоциональному отклику, но и ответ на экзистенциальную потребность автора в познании самого себя, придании смысла собственной жизни. Проговаривание ее – «всегда попытка длительности

опыта сквозь время», как говорит американский исследователь С. Крайтс [13, с. 292], напряжение опыта настоящего в прошедшем и будущем, их объединение в настоящем и одновременно различие. Рассказывая и пересказывая события своей жизни, исследователь, как, впрочем, и рядовой человек, соединяет ее разрозненные части, продуцируя связность, вразумительность, целостность жизни, к которой мы все интуитивно тянемся. В этом плане личностный нарратив – это «способ, чтобы задать глубокие и тревожные вопросы о том, как жить осмысленно, полезно, нравственной жизнью» [14, с. 747]. Именно поэтому для автора, как и раньше для читателя, такая автоэтнография скорее о том, *как жить*, нежели о том, *как знать*. Личностный нарратив здесь – часть человеческой экзистенциальной борьбы за продолжение жизни, он одновременно *о жизни и часть жизни*.

Есть и еще один вариант использования автоэтнографии, когда она выступает *частью, стороной* привычной этнографической исследовательской практики. В такой автоэтнографии исследователь скрупулезно описывает *свои мысли, переживания* по поводу того, *о чем рассказывает информант*, фиксирует свое отношение к услышанному, старается понять *изменения в себе*, вызванные его рассказом. Это своего рода *путешествие по исследованию* также помогает социологу лучше понять себя, ответить на смысловожизненные вопросы.

К автоэтнографии сегодня в социологическом сообществе есть немало претензий, раздающихся прежде всего из стана количественников. Первая сводится к тому, что самоистория дает жизнь структурам, которых нет в жизни, и потому «сочиняет» жизнь, конструирует ее вместо того, чтобы правильно отразить. Вторая заключается в том, что автоэтнография представляет собой «*романтическое конструирование себя*» [15, с. 335], приукрашивание и потому не может быть отнесена к сфере строгой социальной науки. Фактически оба этих направления критики демонстрируют *тоску по достоверности*, т.е. по правильному, точному

отражению изучаемого социального явления, тоску по тому, чего *принципиально лишена* качественная социология как стоящая на радикально иных, нежели классическая социология, социально-философских основаниях.

В самом деле, для традиционной социологии, являющейся «законной дочерью» научного знания в его нововременной форме, достоверность социального феномена – важнейшая характеристика. В то же время для качественной социологии с ее феноменологическими корнями, а значит и акцентом на конструировании реальности, на «повседневных теориях», с помощью которых мы определяем реальность и действуем в ней, важно и значимо совсем другое: *истина нашего опыта*, нашего *переживания* реальности, в котором сама эта реальность и ее переживание причудливо сплетены. В этом смысле для качественной социологии вообще и для автоэтнографии в частности романтическое приукрашивание себя – не беда, с которой социологу надо как-то справляться, но реальность сознания, определяющего наше поведение и потому представляющего для социолога исследовательский интерес.

Вместе с тем при всей правильности этих рассуждений есть здесь одно «но». Что со всем этим делать социологу, если его задача состоит в эмпирическом изучении малоисследованного или вовсе нового социального феномена, социального контекста в целом?

Сегодня значительная часть социологов-качественников разделяет точку зрения французского социолога Й.П. Рууса, полагающего, что «наши автобиографические тексты ничего не будут стоить до тех пор, пока мы не предоставим им кредит реальности, чего-то существующего во вне, что эти тексты стараются описать более или менее адекватно» [16, с. 7]. Реализация *реалистического подхода* [17, с. 124] к автоэтнографическим текстам как раз и предполагает, что в них все-таки «схватывается» изучаемое социальное явление и что мы благодаря автоэтнографии получа-

ем его *правдоподобное* описание. Термин «правдоподобие» принципиален для качественного подхода в социологическом исследовании: «правдоподобное может не соответствовать действительности, но оно всегда отвечает обыденным представлениям о социально возможном» [18, с. 136]. Излюбленный способ повышения правдоподобия в автоэтнографии, так же как, впрочем, и в другом типе качественного исследования, – знаменитая триангуляция, когда интерпретация собственного текста соотносится с данными, полученными другими исследователями, или со смыслами, «вытащенными» социологом из транскриптов с другими информантами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. «Делать знакомое неизвестным»: этнографический метод в социологии // Социологический журнал. 1998. № 1/2.
2. Романов П.В. Социологические интерпретации менеджмента. Саратов: Саратовский государственный технический университет, 2000.
3. Ellis C., Borchner A.P. Autoethnography, Personal Narrative, Reflexivity // Handbook of Qualitative Research / Ed. by N. Denzin, Y. Lincoln. Thousand Oaks, CA: Sage, 1994.
4. Ellis C., Borchner A.P. Op. cit.
5. Яценко К. Смысл и назначение истории. М., 1994.
6. Локк Д. Сочинения: В 3 т. М., 1985. Т. 1.
7. Silverman D. Doing Qualitative Research. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 2000.
8. Ellis C., Borchner A.P. Op. cit.
9. Готлиб А. Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подходы. Самара: Самарский государственный университет, 2002.
10. Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. N.Y.: Basis Books, 1973.
11. Frank A. The Wounded Storyteller: Body, Illness and Ethics. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
12. Jackson M. At Home in the World. Durham, NC: Duke University Press, 1995.
13. Crites S. The Narrative Quality of Experience // Journal of the American Academy of Religion. 1971. No. 39.
14. Ellis C., Borchner A.P. Op. cit.
15. Atkinson P. Narrative Turn in a Blind Alley? // Qualitative Health Research. 1997. No. 7.

16. Руус Й.П. Контекст, аутентичность, референциальность, рефлексивность: назад к основам биографии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ: Материалы международного семинара, С.-Петербург, 14-17 ноября 1996 г. СПб., 1997.

17. Silverman D. Doing Qualitative Research. London, Thousand Oaks, New Delhi, 2000.

18. Качанов Ю. Начало социологии. Спб.: Алетейя, 2000.

(Продолжение следует)